

Культура. - 2001. -
15-21 нояб. - с. 8

Валенки для святого Петра

Скульптуры Михаила Дронова — в зале “Нашего наследия”

“Ночные гости”. 1987 г.

Экспозиция, устроенная в зале журнала “Наше наследие”, уютная, небольшая — чуть более десяти работ, представляющих его творчество в основном за последние годы. Осмотреть ее можно минут за двадцать. Осмотреть, но не уяснить ее глубинного смысла и многозначности образных решений, настолько эти произведения при всей видимой их простоте беспредельно емки и сложны.

Казалось бы, сам автор совершенно точно определил сюжет своих работ. “Валенки” — это и есть валенки. “Скамейка” и есть скамейка. “Грустный король”, “Конькобежец”, “Шарманщик”, “Святой Петр”, “Охотник” — и здесь как будто все ясно. “Предел мечтаний” — слиток заводского пронумерованного золота — остроумно, иронично. “Кораблекрушение” — видишь как бы

плавающие в море обломки мачт — не вызывает каких-либо вопросов.

Но потом, по мере осмысления произведений Михаила Дронова они, эти вопросы, появляются во множестве. И ответы на них придется искать в самих скульптурах, потому что сам их автор весьма немногословен и отделяется общими фразами о своем творчестве. И, безусловно, он прав — о произведениях должен судить сам зритель. Тем более когда скульптуры так неожиданны, заставляют задуматься, будят воображение, но однозначного толкования не дают. Художник то шутит, язвит и смеется, то сосредоточен и углублен в свои мысли, то соединяет в своих работах самые разнохарактерные состояния человеческих чувств и переживаний. И порой трудно понять, где он чудит, а где обращает-

ся к нам на полном серьезе. По крайней мере единственно верный смысловой знаменатель, что-то вроде $2 \times 2 = 4$, у него найти трудно. Да нужно ли его находить?

Вот одна из ранних его работ — “Гроссмейстер”. И она поначалу никаких загадок не предлагает. Но потом вдруг начинаешь сомневаться в точности авторского названия. Почему “Гроссмейстер”? А, положим, не “Мыслитель”, “Философ”, “Пророк” или “Предсказатель грядущего”, притом грядущего невеселого, удручающе-безнадежного?

Или “Шарманщик”. Какая здесь возникает широкая гамма ностальгических настроений! Но из прошлого ли они? Да нет же! Вспомнаются сегодняшние “шарманщики” в переходах метро, на улицах города, их грустные, пронзительные и бесхитростные мелодии. Так почти

забытый литературный сюжет обретает нынешний социальный отзвук. А “Святой Петр” походит на одиноких стариков из какой-то заброшенной, исчезающей деревни и становится символом несправедливости и равнодушия. “Человек дождя” — это одиночество. А слиток золота из “Предела мечтаний” — символ бездушного, бездумного благополучия...

...Ловлю себя на том, что все мною здесь сказанное, может быть, просто моя выдумка. Но это и хорошо, ибо лишь истинное, талантливое искусство может вызвать и раздумья, и взлет причудливой фантазии, и грезы, и необъяснимую тоску, только оно рождает иной взгляд на реальное наше бытие. Конечно, у каждого по-своему.

Евг. ВАСИЛЬЕВ